

словно забывшись в созерцании, а потом залилась слезами и заключила его в объятия, как и следует любящей и добродетельной матери. Затем она сказала так:

– Я сама знаю, сын мой, что причинила тебе много ала, согласившись на брак с Фангоном, жестоким тираном и убийцей твоего отца, моего истинного супруга. Но как мало было у меня средств противиться ему! Двор изменил мне и покойному королю. Кому из придворных могла я ввериться, если все они пошли за Фангоном? Каких насилий не употребил бы он, если бы я встала против союза с ним? Подумай об этом, вместо того чтобы поносить меня за неверность и распутство, да еще несправедливо подозревать в том, что Герутта злоумышляла на жизнь короля! Клянусь могуществом всесильных богов: если бы я могла противиться узурпатору, если бы всей моей крови и всей моей жизни достало, чтобы спасти супруга и короля, я бы сделала это от чистого сердца, как потом не раз делала, чтобы защитить тебя. Если тебя убьют, я не стану жить и дня. Но разум твой ясен, и, значит, есть надежда на спасение и возмездие. Но, друг мой, мой любезный сын, если тебе дорога жизнь, если тебе дорога память отца, если ты хочешь быть добрым со своей недостойной матерью, умоляю тебя: будь осторожен, не спеши, не горячись; иди к цели медленно и осмотрительно. Ты сам видишь: среди придворных едва ли найдется хоть один, кому ты мог бы довериться, как и среди моих фрейлин ни одна не сохранит тайны, а сразу же откроет ее твоему врагу. А он хоть и делает вид, будто любит меня, чтобы иметь право на мое ложе, но на самом деле не доверяет мне и боится – из-за тебя. Он не так прост, чтобы верить в твое неизлечимое слабоумие. Если ты совершишь хотя бы один разумный, недурашливый поступок – даже скрытно и в тайне, – он сразу об этом узнает. Боюсь, как бы злые духи не уведомили его о нашем с тобой разговоре. Такая нам во всем незадача, так жестоко преследует нас злая судьба; возможно, и смерть сегодняшнего придворного не пройдет нам даром. Я скажу, что ничего не знаю; твой светлый ум, твои замыслы останутся нашей тайной. Молю богов, сын мой, чтобы они отечески направляли твои шаги, внушали тебе мудрые решения, споспешествовали твоим намерениям, а мои глаза увидели бы, как ты вернешь себе свое достояние и корону, похищенную тираном, и дали мне порадоваться твоему счастью и погордиться отвагой, с какой ты отомстил убийце и его сообщникам.

– Государыня, – отвечал Гамлет, – я верю вам и не стану более вмешиваться в ваши дела. Но прошу вас, ради собственной вашей чести, не бояться этого блудника и хищного пса, ибо я его убью, даже если все злые духи ада станут на его охрану. Не помогут ему и царедворцы) я избавлю от них землю. Они последуют за ним на тот свет, как следовали за ним в заговоре на моего отца, – злодеи, сообщники предательства и убийства! По правде и совести, те, кто изменнически убил своего государя, должны погибнуть столь же оскорбительной и жестокой, но более заслуженной смертью. Пусть заплатят с лихвой за измену. Вы знаете, государыня, что Гофер, ваш дед, отец славного короля Рорика, победив Гимона, приказал сжечь его живьем за то, что этот изверг предал казни через сожжение Гевара, своего сеньора, захватив его ночью, изменой. Каждому известно, что предатели и клятвопреступники не заслуживают честного, прямодушного обращения. Договор с убийцей – не более чем тонкая паутина, а обещанное ему – не в счет. И потому, когда я расправлюсь с Фангоном, это не будет ни предательством, ни клятвопреступлением, ибо он мне не король и не сеньор; напротив, я накажу его именно за то, что он скверный вассал, вероломно поднявший руку на своего законного государя. И если слава есть плата за добродетель, а почет – награда за службу законному государю, то почему всеобщее порицание и позорная казнь не должны клеймить тех, кто осмелился поднять руку на священную особу государей, коих боги призвали себе в друзья и соратники, помазав их на царство по образу и подобию небожителей? Слава и честь венчают добродетельного; они даются в награду за постоянство, чуждаются низких, ускользают от трусливых, бегут от подлых; и потому либо я найду себе достославный конец, либо с оружием в руках, увенчанный торжеством и победой, отниму жизнь у того, кто отнимает ее у меня и гасит лучи доблести, доставшейся мне в удел вместе с кровью и священной памятью предков. Да и чего стоит жизнь, если стыд и бесчестие, словно палачи, беспрестанно мучают наш разум, а страх обуздывает горделивые стремления и уводит прочь от возвышенных мыслей о людской хвале и бессмертной славе? Я знаю: только глупец станет рвать незрелый плод и тянуться к недоступному. Но я буду действовать разумно и надеюсь на свою счастливую звезду, указывавшую доселе мне путь. Нет, я не умру, не отомстив моему врагу. Он сам себя погубит, сам подскажет, как совершить то, до чего я бы не додумался.

В это время явился Фангон, якобы вернувшись из путешествия, и первым делом спросил о придворном, который ваялся подслушать разговор принца с королевой, чтобы уличить Гамлета в